

СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ

МОСКВА

СОБЕСЕДНИК

С легкой руки телевидения его сразу узнали миллионы, ибо аудитория полюбила все телепередачи «Вокруг смеха» огромна. Александр Иванов, известный поэт-пародист, в ней ведущий. Он всегда невозмутим, с лицом, редко отмеченным тенью улыбки. Он автор многих книг, названия которых «Любовь и горчица», «Смеяться и плача», «Не своим голосом», «Перас — не роскошь» не оставляют сомнения, что его оружие — юмор и острая сатира.

Сегодня Александр Иванов — наш собеседник.

2207

ВОКРУГ СМЕХА

— Представьте такую ситуацию. Вы репортер, и вам надо взять интервью у Александра Иванова. Что вы спросили бы у него, так сказать, для знакомства?

— Наверное, я спросил бы: почему вы, товарищ, в течение столь долгого времени — вот уже девятнадцатый год — стойчиво занимаетесь таким неблагодарным жанром, как пародия? Ведь пародии писали во все века, чаще всего это было вроде нагрузки к основному занятию. Именно об этой моей причуде я и спросил бы.

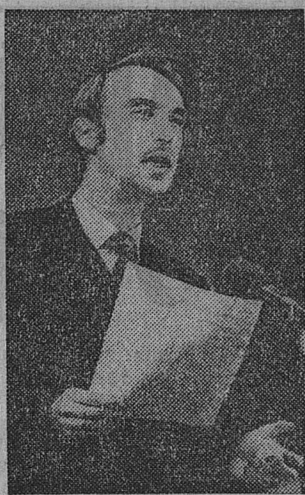
— Но вы, надеюсь, понимаете, что отвечать мы за вас не будем!

— Отвечать сложнее, но — попробую. Прежде всего сделаю одно признание — я, конечно, писал и стихи. Было дело. Стихи мои были полны неземной печали, неразделенной любви, кораблей, плывущих по розовым облакам, и прочего подобного набора лирика-графомана.

И вдруг я выздоровел, то есть бросил этим заниматься. Окончил институт (я педагог-художник, кстати, и из семьи художников) и совершенно случайно написал тогда первую пародию, если не ошибаюсь, на поэта Андрея Вознесенского. Потом пошло и пошло... Мне серьезные люди все твердят: мол, остановись, напиши, наконец, пьесу, повесть, поэму. Но, увы, или не увы, душа моя лежит только к пародии.

— Говорят, после первых телепередач «Вокруг смеха» буквально начался пародийный бум.

— Как хотите назовите — шквал, буря и т. д. Суть остается та же: на телевидение, в газеты, журналы шлют и шлют пародии. Писать их, казалось бы, легко — найди в стихах какую-нибудь глупость, поставь ее в эпиграф и как бы продолжай эту глупость. Вот и получится смешно. Но это внешняя, что ли, сторона дела. На мой взгляд, пародия способна решать нравственные, этические, социальные задачи. Пародия хороша, когда она и юмор, и сатира одновременно. В общем, писать пародии — тоже дело. И я им с удовольствием занимаюсь.

Кто б думать мог, что это так смешно?!

— Спасибо за экспромт, но продолжим беседу прозой. Вы как-то утверждали, что поэтом, равно как и пародистом, надо родиться... Простите за неожиданный переход, но есть мнение, что и торговый работник тоже надо родиться. Будете его оспаривать?

— Признаюсь, никогда об этом не думал. Трудно, наверное, говорить о том, что человек родился с талантом продавца, скажем, апельсины на улице. Но если же поставить директора магазина в ряд делового человека, о котором сейчас много пишут, то, безусловно, определенные способности должны быть, как говорится, на роду написаны. Это коммуникативность, коммерческая жилка и, конечно, человек ни в коем случае не должен быть злым. И еще, что весьма немаловажно, способности надо развивать. Как в литературе, так, пожалуй, и в любом другом деле, в том числе и в торговле, есть, конечно, талантливые люди и есть бездарные. Талант — дар.

— Положа руку на сердце признайтесь, не попадались на острие вашего гера иной нерадивый продавец или повар?

— Нет. Я пишу лишь литературные пародии. Естественно, так или иначе они касаются каких-либо явлений жизни. Но торговли? Что-то не припомню.

Впрочем, это совсем не значит, что я не вижу тех аномальных ситуаций, с которыми иной раз сталкиваешься в общении со сферой услуг. Это

и торговля из-под полы — так, кажется, ее принято квалифицировать? Это и грубость, и другие чуждые нам явления. Тут, по-моему, проявляется нравственная нестойкость, которая незаметно превращается в своего рода девиз «Умей жить!» Он на вооружении не только иных представителей торговли, но и частенько встречается у людей, далеких от этой сферы деятельности. Уметь жить действительно не так уж плохо, но не за счет других.

Я хотел бы еще заметить, что, например, покупать из-под полы — более безнравственно, чем продавать таким путем.

Изобличать подобное зло, разумеется, надо и литературными средствами. Но, как говорится, у каждого свой профиль. Вот у Михаила Жванецкого, например, это получается.

— На телеэкране вы представляете человеком невозмутимым, даже порой чересчур. Что это, экранная маска? Ведь пародии ваши, реплики то и дело являются «возмутительными спокойствиями» в зале...

— Словом, какой я по натуре? Трудно сказать. Внешне — да, спокойный. Но внутри все-таки не очень. Что же касается маски, то она пришла невольной. Как только я начал писать — стал и выступать. И, конечно, поначалу очень волновался и буквально ни жив, ни мертв выходил на сцену. Боясь сделать лишнее движение, читал пародию ровным голосом. И, знаете, такая манера вызвала смех. Теперь, когда мне говорят, что я очень хороший актер, я просто отвечаю, что никакое это не актерство. По-моему, так и надо читать смешные вещи. Представьте на миг, что я на сцене помираю бы со смеху? В зале, думаю, это вызвало бы по меньшей мере недоумение.

— Позвольте вопрос, так сказать, традиционный — из тех, что регулярно задают юмористам. Неужели без юмора никак нельзя прожить?

— Ну почему же? Прожить, разумеется, можно. Но жизнь, пожалуй, будет как-то беднее. Чувство юмора. Оно помогает жить. Я даже знаю людей, которых воспоминание о чем-то смешном, дорогом, скажем, о «Золотом тельце» Ильфа и Петрова, выручало в трудную минуту.

Выступая в самых разных аудиториях — от студенческих до академических, — я чувствую пользу, которую приносит смех. Смеющиеся люди становятся совсем другими, свежее, что ли...

С сатирой сложнее. Я далек от мысли, что, прочитав пародию на себя, иной поэт со следующей недели начнет писать лучше, а нерадивый продавец с понедельника встанет на путь борьбы с нарушениями. Но все-таки умный человек хоть на минуту, да задумается. А это уже хорошо. Словом, перефразируя Маяковского: раз юмор и сатира существуют, значит, это кому-нибудь нужно.

Беседу вели
Э. КРАСНЯНСКИЙ,
А. РОСТОВЦЕВ.

Москва.

Я для себя решил давно:
Людям смеяться трудней,
чем пить вино.
Я не смешу, Я говорю им
правду.